

СОЦИОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

DOI: 10.14515/monitoring.2017.2.01

Правильная ссылка на статью:

Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Влияние экономического кризиса 2014—2016 годов на занятость россиян // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 1—17.

For citation:

Tikhonova N.E., Karavay A.V. The Impact of the 2014-2016 economic crisis on the employment of Russian. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 2. P. 1—17.

Н. Е. Тихонова, А. В. Каравай ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА 2014—2016 ГОДОВ НА ЗАНЯТОСТЬ РОССИЯН

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА 2014—2016 ГОДОВ НА ЗАНЯТОСТЬ РОССИЯН

THE IMPACT OF THE 2014—2016 ECONOMIC CRISIS ON THE EMPLOYMENT OF RUSSIANS

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН, профессор-исследователь Факультета экономических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

E-MAIL: ntihonova@hse.ru

ORCID: 0000-0002-5826-4418

Natalia E. TIKHONOVA^{1,2} — Dr. Sci. (Sociol.), Leading Researcher; Research Professor

E-MAIL: ntihonova@hse.ru

ORCID: 0000-0002-5826-4418

КАРАВАЙ Анастасия Вадимовна — старший научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, научный сотрудник Института социологии РАН, Москва, Россия.

E-MAIL: karavayav@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3122-4819

Anastasia V. KARAVAY^{1,3} — Researcher; Senior Researcher

E-MAIL: karavayav@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3122-4819

¹ Institute of Sociology RAS

² National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

³ Institute for Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Аннотация. На материалах исследований, проведенных в 2009—2016 годах. Институтом социологии РАН, и данных ФСГС РФ анализируется влияние экономических кризисов на занятость россиян. Показано, что, судя по ситуации с занятостью, кризис 2014—2016 годов был скорее бюджетным кризисом и кризисом потребления, чем собственно экономическим кризисом. Продемонстрировано также, что в стране стали реже соблюдаться основные права работников, увеличилась средняя продолжительность их рабочей недели, а стоимость часа труда за время кризиса уменьшилась даже номинально. Особенно ухудшилось положение и без того наименее защищенных в социально-экономическом отношении групп — работающих в частном секторе, особенно в сфере торговли и бытового обслуживания, а также работающего населения малых городов и сельской местности. Серьезные изменения наблюдались и на московском рынке труда, где увеличение трудовых нагрузок сопровождалось сокращением разрыва в оплате труда с оплатой труда остальных россиян. Отмечено, что к осени 2016 г. численность работников, чьи трудовые права не соблюдаются в полной мере, составила почти половину занятых, и именно в этой группе отмечаются повышенные риски потери работы. Все эти негативные явления находят отражение и в общественном сознании россиян, в котором противоречие между работниками и работодателями начинает постепенно играть все большую роль.

Ключевые слова: занятость, рынок труда, теньевая занятость, трудовые нагрузки, оплата труда, эксплуатация, права трудящихся, последствия кризиса

Abstract. The paper provides an analysis of the impact of the economic crisis on the Russian employment and is based on the results of the studies carried out by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences in 2009—2016 and the Federal State Statistics Service's data. The authors explain that, according to the employment situation, the 2014—2016 crisis was a budget crisis and consumption crisis rather than an economic crisis. Basic labor rights have become less respected throughout the country, the average length of the workweek has increased, and even nominal hourly labor cost has decreased. The situation of the most vulnerable social and economic groups — those employed in the private sector, especially in commerce and public services as well as people living in small cities and rural area — has particularly deteriorated. Significant changes were observed in the Moscow labor market where the increasing workload was accompanied by the reduction of gap between the Moscow labor cost and the labor cost in other regions. By the 2016 autumn, the number of workers whose rights were not fully observed made up half of the employed population; the risk of job loss is high in this particular group. All the trends mentioned above are reflected in the Russian mass consciousness where a controversy between the employers and the employees plays an increasingly important role.

Keywords: employment, labor market, shady employment, workload, remuneration, exploitation, workers' rights, consequences of the crisis

Благодарность. Статья подготовлена в рамках работы над плановой темой «Влияние экономической рецессии и ухудшения внешнеэкономической и политической конъюнктуры на занятость россиян (по материалам социологических исследований)» в Институте социологии РАН.

Acknowledgment. The publication is part of the research work titled «The Impact of the Economic Recession and the Deterioration of the External Economic and Political situation on the Employment of Russians (based on the results from social studies)» and carried out at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Последствия социально-экономического кризиса, в который Россия вступила в 2014 г. и из которого сейчас с большим трудом выходит, активно обсуждаются как представителями широкой общественности, так и специалистами. В контексте этой дискуссии внимания заслуживают и те последствия нынешнего кризиса, которые связаны с дальнейшими изменениями системы взаимоотношений работников и работодателей, смещением «баланса сил» в этой системе в пользу последних.

В основе развития этого процесса лежат несколько объективных предпосылок. Главная из них — тот факт, что масштабная структурная перестройка российской экономики, начавшаяся в середине 1990-х годов и разворачивавшаяся на фоне кризиса профсоюзного движения и почти полного отсутствия профессиональных ассоциаций, привела к серьезным переменам в структуре занятости. Так, очень сильно сократилась за четверть века занятость в науке¹, промышленности, строительстве и сельском хозяйстве². Однако резкое сокращение занятости в традиционных для России как индустриальной страны отраслях не повлекло за собой сколько-нибудь сопоставимого по масштабам роста занятости в высокотехнологичных сегментах третичного и в четвертичном секторах экономики. Хотя занятость в сферах управления, финансовой деятельности и услуг, предполагающих достаточно высокую квалификацию (операции с недвижимостью, юридические услуги и т. п.) и выросла за эти годы в разы, однако в совокупности этот рост составил менее половины от потерянных в других отраслях рабочих мест. Основной же прирост рабочих мест пришелся на сферу торговли и бытового обслуживания, занятость в которых³ выросла с 5,6 млн в 1991 г. до 13,3 млн в 2015 г.⁴

¹ Только с 2001 по 2015 г., т. е. в уже гораздо более благополучный для науки период, чем 1990-е годы, численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, сократилась в 1,2 раза, причем в «пиковые» периоды сокращений спад доходил до 23% [ФСГС РФ. Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками (по категориям; по субъектам Российской Федерации, движение персонала) (URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/# (дата обращения: 17.01.2017)].

² В сельском хозяйстве этот процесс продолжается и до сих пор. Так, за последние 10 лет (с 2006 по 2015 г. включительно) численность занятых в сельском хозяйстве сократилась в 1,4 раза [Рабочая сила, занятость и безработица в России..., 2016: 51]. В меньшем масштабе, но продолжается он и в обрабатывающих производствах.

³ Численность занятых в сфере торговли и бытового обслуживания включает в себя занятых в двух видах экономической деятельности (по ОКВЭД) — «Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования» и «Гостиницы и рестораны».

⁴ [Рабочая сила, занятость и безработица в России..., 2016: 51].

Это, естественно, не могло не сказаться на ослаблении общей переговорной силы работающего населения страны в их отношениях с работодателями.

Завершение структурной перестройки российской экономики совпало со сменой поколений в директорском корпусе и элитах в целом — на смену «красным директорам» пришло поколение «эффективных менеджеров», прошедших социализацию уже в новых, квазирыночных условиях. Идеологически это выразилось в непрекращающихся с тех пор попытках реформировать политику государства в неолиберальном ключе, а юридически — в пересмотре прав работников на защиту своих интересов под лозунгом усиления гибкости рынка труда. И хотя радикального пересмотра Трудового кодекса РФ, к которому призывало и призывает неолиберальное крыло российских элит, пока не произошло, права работников были в последние годы все же существенно урезаны, в том числе — и в плане их права на забастовки как главную форму защиты своих интересов.

Главной проблемой взаимоотношений работодателей и работников в России является в настоящее время даже не сокращение прав работающих, а то, что те права, которые у работников формально есть, в последнее десятилетие на практике все чаще не соблюдались. По крайней мере, об этом свидетельствует анализ оценок работающим населением страны **соблюдения предусмотренных российским законодательством социально-экономических прав у них на работе**. Как видно из эмпирических данных⁵, «вписанность» производственной деятельности россиян в «правовое поле» и вытекающая из этого степень их социальной защищенности за последние 10 лет уменьшились, причем каждый следующий экономический кризис придавал новый импульс этим тенденциям. Так, весной 2008 г., до начала кризиса 2008—2009 годов, работодатели обеспечивали оплату отпуска, больничного листа и декретного отпуска в предусмотренном законодательством размере в 71 % случаев⁶. К весне 2014 г. этот показатель снизился до 68 %⁷, а в ходе последнего экономического кризиса продолжил сокращаться⁸, опустившись в марте 2016 года до 59 %.

В то же время, в восстановительный период, начавшийся летом 2016 г., наметился некоторый «откат» в этой области к докризисным показателям, обозначив-

⁵ Эмпирической базой исследования выступили, во-первых, результаты пяти волн общероссийских опросов Института социологии РАН, проводившихся в марте 2015—2016 и октябре 2014—2016 годов в ходе реализации мониторингового проекта «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», выполнявшегося при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00218, рук. проекта — М. К. Горшков). Выборка этих опросов ($n = 4000$ человек) репрезентировала население страны по регионам проживания, а внутри них — по полу, возрасту и типу поселения. Подробнее о выборке и результатах этого Мониторинга см. серию книг под общим названием «Российское общество и вызовы времени», издававшихся в 2015—2016 годах. Издательством «Весь Мир» [Российское общество... 2015; Российское общество... 2016]. Если не оговорено иное, то данные для анализа рассматриваемых процессов основаны на результатах этого проекта. Указываемые при этом год и месяц (где «о» значит октябрь, а «м» март) обозначают время проведения конкретной волны, из которой взяты соответствующие данные. Другими источниками эмпирических данных выступали результаты опроса ИС РАН «Средний класс в современной России», проведенного в феврале 2014 г. с той же моделью выборки ($n = 1600$), а также исследований Института социологии РАН «Российская повседневность в социологическом измерении» (март 2008 г., $n = 1750$ человек) и «Бедность и бедные в социологическом измерении» (март 2013 г., $n = 1600$), модель выборки которых была тоже аналогична модели выборки в Мониторинге ИС РАН 2014—2016 годов.

⁶ Данные исследования «Российская повседневность в социологическом измерении».

⁷ Данные исследования «Средний класс в современной России».

⁸ Подробнее см. об этом: [Тихонова, 2015].

ший пределы, существующие в современном российском обществе для развития соответствующих тенденций. Так, в октябре 2016-го работодатели обеспечивали оплату отпуска, больничного листа и декретного отпуска в предусмотренном законодательством размере уже 66 % работающих. Стабилизировалась к этому моменту и выплата «белой» зарплаты (рис. 1). Более того, к докризисным значениям вернулся осенью 2016 г. и главный показатель в этой области — доля работающих россиян, находящихся вне действия трудового, пенсионного и социального законодательства. При этом, если не считать ситуации с оплатой больничных листов и отпусков, улучшение которой началось несколько позже, пиковые значения несоблюдения трудовых прав работников пришлось на конец 2015 г. (рис. 1), когда Россия проходила «дно» кризиса.

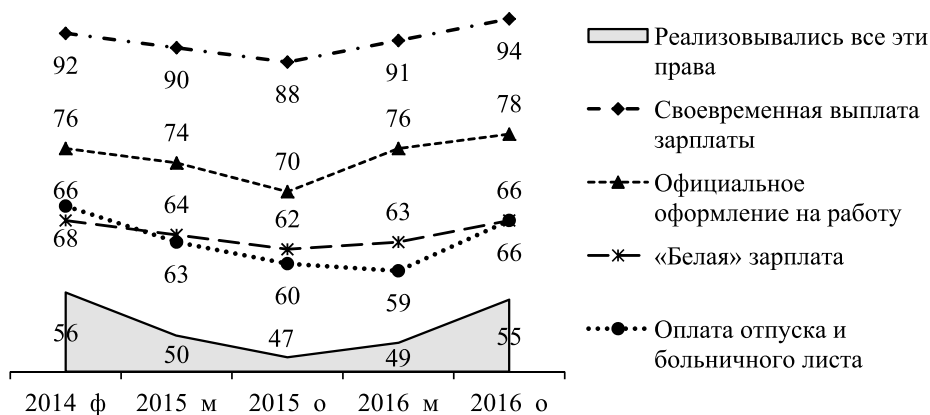

Рисунок 1. Динамика соблюдения основных социально-экономических прав работников, февраль 2014 — март 2016, % от работающих⁹

Полученные в ходе исследований ИС РАН данные позволяют сделать и еще один важный вывод: работающие россияне, судя по показателям соблюдения их прав, делятся сейчас на две большие группы. Одна из них, составляющая чуть более половины всех трудящихся, характеризуется устойчивым пребыванием в правовом поле, соблюдением всех предусмотренных законодательством гарантий и т. д. Вторая же, насчитывающая около 30 млн человек, характеризуется не просто пребыванием вне его по какому-то отдельному параметру, а несоблюдением обычно сразу нескольких базовых прав работников, как правило связанных с получением всей зарплаты или ее части «в конвертах» и нарушениями в оплате отпуска и больничного листа. Применительно к этой части работающих можно говорить о начале развития процессов прекаризации — сравнительно новой для России тенденции¹⁰. Во всяком случае, каждый пятый в этой группе уже

⁹ Данные за февраль 2014 г. приведены по исследованию «Средний класс в современной России», за остальные периоды — по мониторинговому исследованию ИС РАН.

¹⁰ Не останавливаясь здесь на сущности процессов прекаризации и характеристиках прекариата как особой социальной группы, отсылаем интересующегося этим читателя к базовой для понимания данного феномена книге Г. Стэндинга [Стэндинг, 2014], а также работам, где анализируется разворачивание процессов прекаризации в России: [Шкартан и др., 2015; Гасюкова и др., 2016; Посухова, Маскаев, 2016; и др.].

в течение первого года кризиса оказывался в ситуации, когда он не работал более трех месяцев подряд, в то время как в первой, относительно благополучной группе, такая ситуация встречалась более чем втрое реже — всего в 6 % случаев. Таким образом, пребывание в группе, для которой характерно несоблюдение базовых трудовых прав (по крайней мере, если судить об этом по субъективным оценкам работников, которые часто бывают более оптимистичными, чем реальность¹¹), оказывается тесно связано с повышенной вероятностью нахождения в длительной безработице.

Степень социальной защищенности работников в современной России зависит, прежде всего, от того, на предприятиях и в учреждениях какой формы собственности они работают. Для работающих в частном секторе характерен высокий уровень бесправия независимо от экономических кризисов, при этом наиболее широко распространены на них выплаты части зарплаты «в конвертах» (52—55 % в период с марта 2015 г. по октябрь 2016 г. — табл. 1) и неполная оплата (или неоплата) отпуска и больничного листа (54—58 % в тот же период). При этом только теневая занятость зависит на созданных после начала реформ 1990-х годов предприятиях и организациях от макроэкономических условий, и именно она по мере смягчения остроты кризиса начала заметно сокращаться (с 41 % в октябре 2015 г. до 34 % в октябре 2016 г.). В госсекторе же, напротив, ситуация довольно четко коррелирует с общими условиями развития экономики. Так, максимальной доля тех работников, у которых не реализовывалось хотя бы одно из рассматриваемых прав¹², была в госсекторе осенью 2015 г. (рис. 2), когда уже накопились негативные эффекты кризиса, но еще не начались позитивные изменения, свидетельствующие о скором выходе из него¹³.

Отчасти похожа на госсектор по динамике соблюдения прав работников и ситуация на приватизированных предприятиях, только общий уровень соблюдения прав работающих на них, судя по оценкам их работников, был и остается заметно ниже, чем на госпредприятиях и в бюджетных отраслях. Кроме того, постепенное общее улучшение ситуации в экономике начиная со второй половины 2016 г. не сказывалось на этом типе предприятий на численности тех, чьи трудовые права не соблюдались (рис. 2). При этом наиболее широко среди работников приватизированных предприятий также распространены нарушения прав на оплату отпуска, больничного листа и выплату полностью «белой» зарплаты (табл. 1).

¹¹ Так, например, работники могут считать, что они официально оформлены на работе и за них в полном объеме перечисляются взносы в Пенсионный фонд, Фонд обязательного медицинского страхования и т.д., хотя на самом деле этого не происходит.

¹² Т.е. им либо задерживали зарплату, либо это была теневая занятость без официального оформления на работу, либо часть зарплаты выплачивалась им «в конвертах» (что, как и отсутствие официальной занятости, влекло за собой нарушение ряда других прав, в частности права на полноценную пенсию в будущем), либо им не в полной мере оплачивались (либо вообще не оплачивались) отпуск и больничный лист.

¹³ Так, именно в 2015 г. максимальным было в сравнении с предыдущим годом падение ВВП страны — 3,7%, в то время как в 2016 г. ВВП сократился по отношению к 2015 г. лишь на 0,7%, индекс потребительских цен вырос в 2015 г. до 115,5% при 107,1% в 2016 г., а реальная заработная плата упала в этот год кризиса до 91,0%, в то время как в 2016 г. начался ее пусть медленный, но все же прирост — до 100,6%. См.: Информация о социально-экономическом положении России — 2016 г. Январь — декабрь. Основные экономические и социальные показатели. ФСГС РФ. Официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B16_00/Main.htm (дата обращения: 05.03.2017).

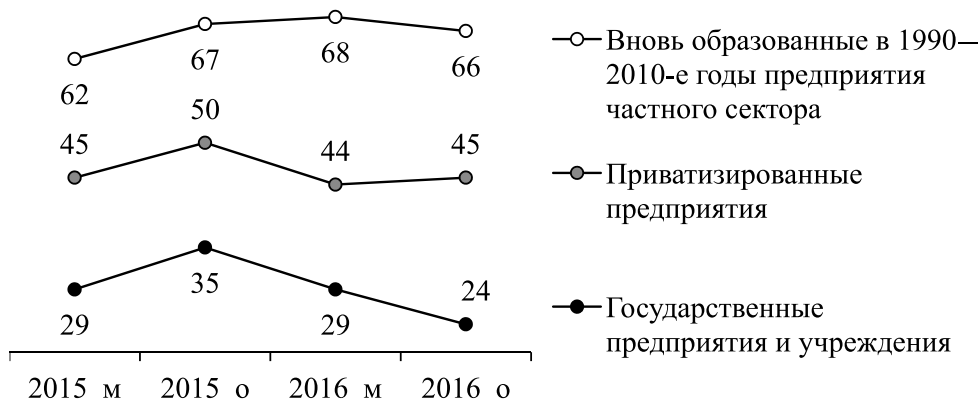

Рисунок 2. Доля работников, в отношении которых не соблюдалось хотя бы одно из основных социально-экономических прав, на предприятиях различной формы собственности, март 2015 — октябрь 2016, % от работающих¹⁴

Таблица 1. Динамика соблюдения социально-экономических прав работников предприятий с разной формой собственности, март 2015 — октябрь 2016, % от работающих¹⁵

Не реализовывались следующие права:	Работники в госсекторе				Работники приватизированных предприятий				Работники вновь созданных частных предприятий			
	2015_м	2015_о	2016_м	2016_о	2015_м	2015_о	2016_м	2016_о	2015_м	2015_о	2016_м	2016_о
Своевременная выплата зарплаты	5	7	3	3	13	14	11	9	12	13	8	9
Официальное оформление на работу	14	18	13	10	20	23	17	19	37	41	33	34
«Белая» зарплата	18	18	17	14	31	36	30	32	54	55	55	52
Оплата отпуска и больничного листа	15	21	18	14	30	36	34	31	58	56	57	54

Для частных предприятий в меньшей степени, чем для предприятий госсектора, характерно также наличие у работников дополнительных социальных благ по месту работы (соцпакет, ведомственные поликлиники или жилье и т. п.). При этом к концу кризиса работники приватизированных предприятий, до его начала приближавшиеся в этом отношении скорее к работникам госпредприятий, оказались в точно таком же положении, как и работники частного сектора. Более того, именно работники приватизированных предприятий пострадали в наибольшей степени, поскольку на вновь созданных предприятиях частного сектора число

¹⁴ Данные мониторингового исследования ИС РАН.

¹⁵ Данные по занятым на коллективных предприятиях и в общественных организациях, а также по самозанятым и предпринимателям в таблице не представлены. Фоном выделены показатели, характеризующие не менее половины группы. Использованы данные мониторингового исследования ИС РАН.

получателей такого рода благ, изначально небольшое и еще более сократившееся за время кризиса, к концу 2016 г. вернулось к исходным показателям. На приватизированных же предприятиях, несмотря на частичное восстановление этого показателя в течение 2016 г., он и осенью 2016 г. оставался более чем вдвое меньше, чем до начала кризиса. В результате, если в начале кризиса ситуация на приватизированных предприятиях была близка к ситуации на госпредприятиях, то к марту 2016 г. она стала идентична ситуации на других предприятиях частного сектора (рис. 3).

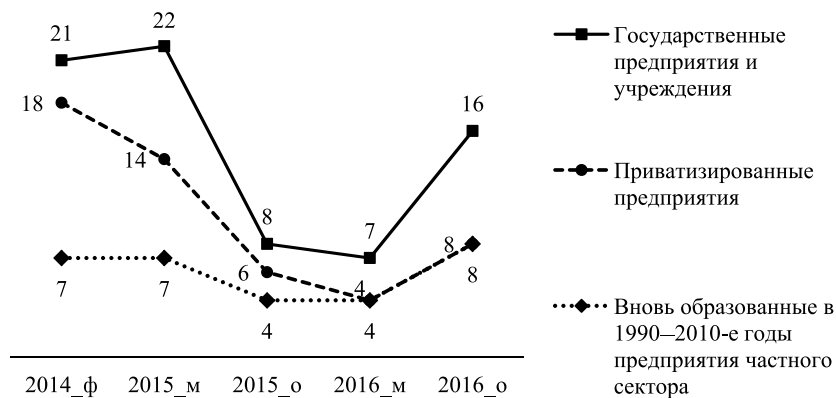

Рисунок 3. Динамика самооценок наличия дополнительных социальных благ (ведомственные поликлиники и жилье, оплата транспорта и т. п.) у работников предприятий с разной формой собственности, февраль 2014 — октябрь 2016, % от работающих¹⁶

Еще одной важной стороной изменений в занятости россиян в условиях кризиса выступает динамика **продолжительности их рабочей недели**. Тенденции, которыми характеризовался в этой области последний экономический кризис, во многом парадоксальны. Так, казалось бы, переживаемые предприятиями экономические трудности должны были привести к заметному сокращению рабочей недели или рабочего дня как времени реальной трудовой деятельности работников. И действительно, такое сокращение в начале кризиса (весной 2015 г.) фиксировалось, хотя и было относительно небольшим — если осенью 2014 г. средние показатели продолжительности рабочей недели в России составляли 44,82 часа, а медианные — 42 часа, то спустя полгода эти показатели уменьшились до 44,31 часа и 41 часа соответственно (напомним, что, согласно законодательству РФ, продолжительность трудовой недели составляет в РФ 40 часов). При этом 16% работающих россиян имели в марте 2015 года продолжительность рабочей недели менее 40 часов, треть работали ровно столько, сколько предусмотрено трудовым законодательством, а половина россиян перерабатывала, в том числе у 13% рабочая неделя составляла 60 и более часов (рис. 4). Однако по мере разворачивания кризиса показатели продолжительности рабочей недели работающих

¹⁶ Данные за февраль 2014 г. приведены по исследованию «Средний класс в современной России», за остальные периоды — по мониторинговому исследованию ИС РАН.

россиян не только не сократились, но, наоборот, выросли, причем выросли даже по отношению к предкризисному периоду: в 2016 г. средняя продолжительность рабочей недели россиян составляла уже около 45,3 часа вместо 44,31 часа в октябре 2014 г. Медианное же значение данного показателя составляло в 2016 г. 43 часа вместо 42 часов накануне кризиса, а 54 % всех работающих россиян имели продолжительность рабочей недели свыше 40 часов. Это значит, что большинство работающего населения страны осенью 2016 г. не просто перерабатывало, но перерабатывало на 3 часа в неделю и более, в том числе 12 % имели рабочую неделю продолжительностью 60 и более часов (при этом рабочую неделю продолжительностью менее 40 часов имели всего 10 % всех работающих). Таким образом, в целом россияне работали и в «разгар кризиса», и в конце его даже больше, чем до его начала, и с точки зрения используемого количества труда (рабочего времени) российская экономика в ходе нынешнего кризиса характеризовалась скорее повышенным спросом на труд, чем снижением потребности в нем. Из этого, в свою очередь, следует (даже если учесть, как менялись за время кризиса показатели фактической безработицы¹⁷), что всерьез говорить об экономическом кризисе в России в 2015—2016 годах не приходится — по крайней мере, если говорить о ситуации в реальной экономике, а не о бюджетном кризисе, связанным с сокращением доходов от продажи нефти и газа. В реальной же экономике, судя по спросу на труд, последний кризис проявился не столько в сфере производства, сколько в сфере потребления: выросли цены, упал курс национальной валюты, обесценились сбережения и т. д.

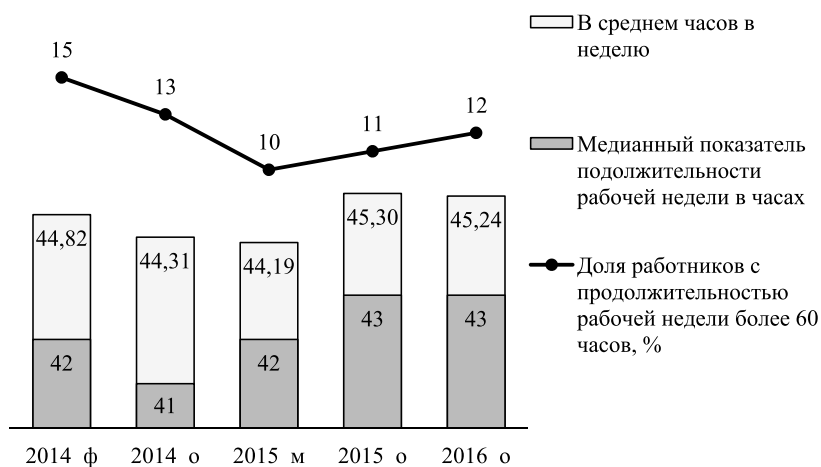

Рисунок 4. Динамика показателей трудовых нагрузок россиян в период 2014—2016 гг., % и часы¹⁸

¹⁷ В разгар кризиса, в 2015 г., доля неработающего трудоспособного населения, не входившего в число студентов и не находившегося в отпуске по уходу за ребенком, была в России, судя по данным Мониторинга ИС РАН, относительно невелика — 5%, хотя и выросла по отношению к докризисным временам, когда она составляла 3%.

¹⁸ Данные за февраль 2014 г. приведены по исследованию «Средний класс в современной России», за остальные периоды — по мониторинговому исследованию ИС РАН.

Если же говорить о динамике показателя продолжительности рабочей недели за более длительный период, то можно зафиксировать, что *длительность времени труда у россиян за последние 10 лет заметно увеличилась, причем тенденция эта фиксируется и при сравнении кризисных периодов в жизни страны.* Так, весной 2009 г. медианный показатель продолжительности рабочей недели составлял 40 часов, а средний — 42,52 часа. При этом рабочую неделю продолжительностью 60 и более часов имели тогда лишь 5% работающих, а не 15% как осенью 2014 г. или 12% как осенью 2016 г.

В то же время *рост трудовых нагрузок россиян как за последние 10 лет в целом, так и в последний кризис в частности не сопровождался пропорциональным ростом их зарплаток.* Это связано, прежде всего, с тем, что для российской экономики нехарактерна оплата сверхурочной занятости, а дополнительная занятость плюс к основной оказывается обычно низкоэффективной в экономическом отношении. Так, если говорить об оплате сверхурочных, то она присутствовала в конце 2016 г. лишь у трети работающих более 40 часов в неделю, причем реже всего сверхурочные оплачивались рядовым работникам торговли и бытового обслуживания (25%). Так же выглядела ситуация и за год до этого, в октябре 2015 г. (рис. 5). В то же время именно в данной группе максимальной была доля тех, кто имел осенью 2016 г. трудовые нагрузки свыше 40 часов в неделю и, особенно, 60 часов в неделю. Все это говорит о повышенной уязвимости рядовых работников торговли и бытового обслуживания на фоне других групп трудящихся, слабости их позиций в отстаивании своих прав перед работодателями. А ведь это очень большая по численности группа работающих, в которую входит, судя по данным Мониторинга ИС РАН, каждый десятый работающий россиянин.

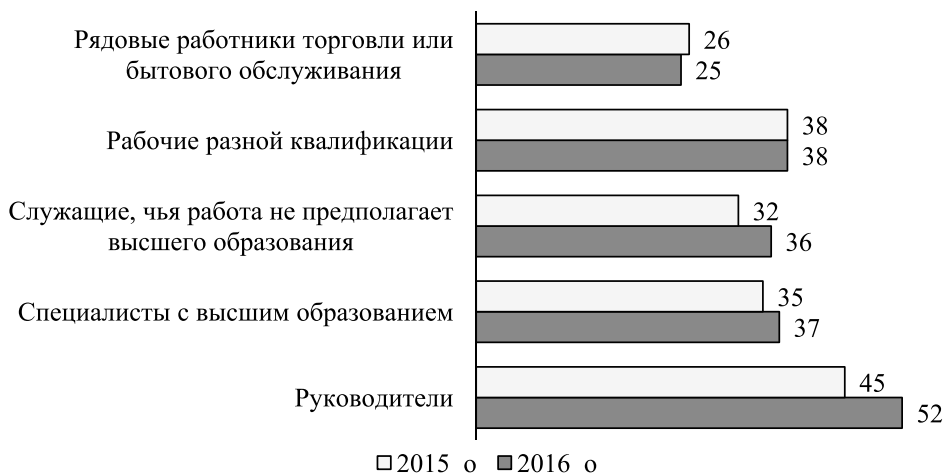

Рисунок 5. Доля получающих оплату сверхурочных работников из разных профессиональных групп, ИС РАН, октябрь 2015 — октябрь 2016, % от имеющих продолжительность рабочей недели более 40 часов¹⁹

¹⁹ Использованы данные мониторингового исследования ИС РАН.

О слабости позиций рядовых работников торговли и бытового обслуживания на рынке труда говорит и динамика показателей оплаты переработок в этой группе после прохождения «пика кризиса», пришедшего по этому показателю на весну 2016 г. (табл. 2). Если в среднем доля тех перерабатывающих, сверхурочные которых оплачивались, выросла с марта по октябрь 2016 г. в 1,45 раза, то у рядовых работников торговли и бытового обслуживания она увеличилась всего в 1,14 раза. В то же время среди руководителей этот показатель вырос за данный период более чем в полтора раза.

Таблица 2. Динамика доли получающих оплату сверхурочных работников из разных профессиональных групп, ИС РАН, март 2016 — октябрь 2016, % от имеющих продолжительность рабочей недели более 40 часов²⁰

Профессиональные группы	март 2016	окт. 2016	рост, в разах
Руководители	34	52	1,52
Специалисты с в/о	25	37	1,46
Служащие, чья работа не предполагает в/о	27	36	1,32
Рядовые работники торговли и бытового обслуживания	22	25	1,14
Рабочие разной квалификации	25	38	1,51
Имеющие продолжительность рабочей недели в среднем более 40 часов	25	36	1,45

Не последнюю роль в таком положении дел играет и тот факт, что подавляющее число предприятий в сфере торговли и услуг относятся к частному сектору, характеризующемуся наихудшими показателями в отношении соблюдения права работников на оплату сверхурочных (доля получающих оплату сверхурочных составляла в нем в октябре 2016 г. всего 30 % при 44 % в госсекторе). Что же касается работников приватизированных предприятий, то при относительно высоком показателе получающих оплату за сверхурочные они находятся все же в относительно более благоприятном положении, чем работники остальных частных предприятий. Видимо, здесь сказывается то, что значительная их часть относится к индустриальному сектору, где сравнительно широко распространены коллективные договора (благодаря которым ситуация с оплатой сверхурочных у рабочих также выглядит относительно более благополучной, чем у рядовых работников торговли и технических служащих — см. рис. 5 и табл. 2). При этом во всех секторах экономики после прохождения «дна» кризиса в конце 2015 г. наблюдается рост получающих оплату за переработки, хотя лишь в госсекторе этот показатель к концу 2016 г. не только достиг докризисных значений, но и превзошел их. Тем не менее, даже в госсекторе получают оплату за сверхурочные менее половины людей, имеющих рабочую неделю продолжительностью свыше 40 часов.

²⁰ Серым фоном выделены показатели, превышающие среднероссийский уровень. Используются данные мониторингового исследования ИС РАН.

Учитывая тот факт, что отсутствие оплаты сверхурочных в России сейчас скорее норма, чем исключение, не удивительно, что *причиной как переработок вообще, так и, особенно, наиболее продолжительных переработок является в большей степени несправедливость работников, а не их стремление к дополнительным заработкам*. Во всяком случае, медианные показатели недельных нагрузок тех, кто получает оплату за сверхурочные, на два часа меньше, чем у тех, кто не получает за них оплаты. Более того, в отличие от тенденции восстановления доли получающих оплату сверхурочных по мере выхода из кризиса стремление работодателей не платить за максимально длительные переработки лишь усиливается. Так, в 2015 и 2016 годах 41—42% работников, которые перерабатывали не более 10 часов в неделю, получали оплату за сверхурочную работу. В то же время, если осенью 2015 г. среди тех, кто перерабатывал 20 и более часов в неделю, получали компенсации 33%, то осенью 2016 г. — уже только 26%. Конечно, имея в виду относительно небольшую численность данной группы в использовавшихся массивах данных, относиться к этим цифрам следует с осторожностью. Однако тот факт, что имеющие большие переработки — это относительно чаще рядовые работники торговли и бытового обслуживания, о специфике положения которых уже говорилось выше, свидетельствует в пользу того, что такая тенденция действительно существует. Подчеркнем в этой связи и то, что большинство в данной группе составляют не работники крупных торговых сетей в мегаполисах, а работники мелких торговых точек в так называемой «малой России», где найти лучшую работу очень трудно, если не невозможно.

Конечно, говоря о неблагоприятной картине с оплатой сверхурочных в России можно было бы предположить, что, хотя их оплата не проводится, рост нагрузки «зашит» в основную зарплату работников, которая должна в этом случае расти опережающими темпами. Однако анализ динамики индивидуальных доходов работающих россиян за время кризиса через призму стоимости часа труда также свидетельствует о том, что *рост продолжительности рабочей недели не привел к пропорциональному росту стоимости рабочей силы, наоборот — можно говорить скорее о ее падении*. Так, с осени 2014 по осень 2016 г. медианные показатели продолжительности рабочей недели занятых россиян выросли на 6,5%, а средняя номинальная оплата одного рабочего часа — на 4,2%. При этом в разных профессиональных группах изменения происходили с разной интенсивностью: медианная стоимость одного рабочего часа в максимальной степени выросла в номинальном выражении у специалистов (на 18%), руководителей (на 17%) и рабочих (13%). В то же время у служащих рост составил всего 4,3%, а у рядовых работников торговли и бытового обслуживания — 1,6% (рис. 6). Если учесть, что инфляция по товарам и услугам составила с октября 2014 г. по октябрь 2016 г. 23%²¹, то понятно, что все группы работников характеризовались падением стоимости их рабочей силы за 2014—2016 годы, хотя и в разной степени. При этом особенно пострадали наименее квалифицированные и имеющие минимальные возможности защиты своих интересов (в силу отсутствия профсоюзов, юридической и функциональной неграмотности и т. д.) группы работников.

²¹ Расчетные данные см. в: Индексы потребительских цен по Российской Федерации в 1991—2016 гг. ФСГС РФ. Официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/prices/potr/tab-potr1.htm (дата обращения: 15.01.2017).

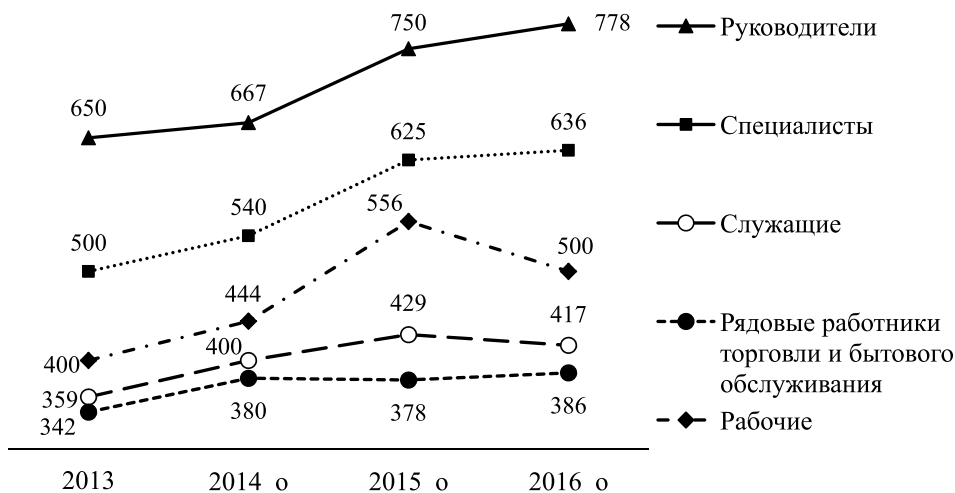

Рисунок 6. Динамика медианных значений стоимости одного рабочего часа в рублях в разных профессиональных группах, март 2013 — март 2016, для всех работающих²²

Более того, *общий рост трудовых нагрузок россиян не обеспечил сохранения их реальных доходов не только в среднем, но даже у тех работающих россиян, чьи переработки работодателями оплачиваются*. Так, хотя медианный уровень индивидуальных доходов этих работников за период с октября 2015 г. по октябрь 2016 г. вырос, но вырос он менее чем на 10%, что гораздо ниже уровня официальной инфляции за тот же период. Кроме того, этот рост был обеспечен, прежде всего, увеличением на треть (10 тысяч рублей в абсолютном выражении) доходов руководителей, и на 6 тысяч рублей (24% в относительном выражении) индивидуальных доходов рабочих. Что же касается остальных профессиональных групп, то у них разрыв в доходах получающих и не получающих оплату за сверхурочные не только очень незначителен, но и сократился за время кризиса. А ведь к этим группам относится безусловное большинство работников.

Подытожим рассмотрение общей ситуации с оплатой сверхнормативной занятости россиян в условиях кризиса. *Общий рост трудовых нагрузок работающего населения в кризис не привел у большинства работающих к пропорциональному росту даже номинальной заработной платы. Если же учитывать инфляцию, то даже имеющие повышенные трудовые нагрузки в массе своей не сумели сохранить свой прежний уровень доходов. Это значит, что норма эксплуатации за время экономического кризиса выросла, причем масштаб этого роста определялся, видимо, особенностями переговорных возможностей тех или иных профессиональных групп и отдельных работников, а также наличием определенных институциональных предпосылок для отстаивания различными профессиональными группами работников своих прав.*

При этом *сверхнормативные трудовые нагрузки изменили под влиянием кризиса характер своей пространственной локализации. Особенно усугубилась ситуация*

²² Данные за 2013 г. приведены по исследованию «Бедность и бедные в социологическом измерении», за остальные периоды — по мониторинговому исследованию ИС РАН.

с переработками в «малой России» с ее более узкими рынками труда и большей зависимостью работников от работодателей (табл. 3). В то же время сохранилась и росла (хотя и более медленными темпами, чем в малых городах и селах) распространенность сверхнормативного труда в крупных городах.

Таблица 3. Доля работающих более 40 часов в неделю среди жителей различных типов поселений, ИС РАН, октябрь 2014 — октябрь 2016, %²³

Тип населенного пункта	окт. 2014	окт. 2015	окт. 2016	Рост, в раз
Город с населением более 1 млн чел.	54	55	58	1,08
Город с населением 500 тыс. — 1 млн чел.	52	57	56	1,07
Город с населением 250—500 тыс. чел.	48	39	44	0,91
Город с населением 100—250 тыс. чел.	55	41	59	1,07
Город с населением менее 100 тыс. чел.	48	52	59	1,23
ПГТ	55	50	63	1,15
Село, деревня	48	55	53	1,12
В целом среди работающих	49	52	56	1,10

Кризис не только увеличил трудовую нагрузку в сельской местности и малых городах, но и по-разному протекал в разных типах населенных пунктов. Так, в малых городах и селах он способствовал значительному общему росту трудовой нагрузки работающих без роста их доходов хотя бы пропорционально среднему по стране — во всяком случае, если в конце кризиса, в октябре 2016 г., среднедушевые доходы в селах выросли в номинальном выражении в среднем в 1,31 раза по отношению к октябрю 2014 г., т. е. его началу, то по стране в целом этот показатель составлял 1,38. Кроме того, работодатели в селах массово воспользовались ситуацией «объявленного кризиса» для того, чтобы снизить работникам их доходы или начать задерживать им зарплату [Российское общество..., 2015: 52], хотя, как предполагалось, в процессе импортозамещения из-за введенных Россией контрсанкций, а также с учетом государственных мер по стимулированию сельского хозяйства, жители российских сел должны были в нынешний кризис только выиграть. Однако выигрыш этот затронул, видимо, лишь российских ленд-лордов. Похоже складывалась ситуация и в малых городах.

С другой стороны, жители крупных городов и городов-миллионников в целом характеризовались скорее пониженным ростом доли работающих сверхурочно (табл. 3). Однако ситуация в разных городах этой группы была очень сильно дифференцирована. Так, например, в Москве осенью 2016 г. перерабатывали две трети работников (68%). В других же крупных городах этот показатель, хотя и составлял более половины, но все же был заметно меньше, чем в Москве. При этом в Москве, где у работающего населения были максимальные трудовые на-

²³ На сером фоне показатели, превышающие средние по России. Используются данные мониторингового исследования ИС РАН.

грузки, сверхурочные оплачивались осенью 2016 г. даже реже, чем в среднем по России — в 39% случаев. Это, конечно, намного больше, чем в разгар кризиса, когда данный показатель опускался до 18% и был даже ниже, чем в среднем по стране (24%), но все же меньше, чем до начала кризиса. Такая ситуация — важный признак качественных изменений на московском рынке труда, произошедших за время кризиса, общий смысл которых сводится к тому, что, хотя москвичи стали работать в кризис ещё больше, чем раньше (при том, что переработки и до начала кризиса в наибольшей степени характеризовали именно москвичей), однако разрыв в оплате их труда в сравнении с остальными работающими россиянами за 2014—2016 годы сократился.

Усиление эксплуатации работников, начавшееся в массовом масштабе в кризис 2008—2009 годов, продолжившееся в последующие годы и достигшее пиковых значений зимой 2015—2016 г., повлекло за собой рост понимания значимости противоречия между работодателями и наемными работниками в общественном сознании. Не случайно в период с весны 2008 г. по октябрь 2015 г. доля считающих это противоречие одним из ключевых для российского общества выросла с 17% до 22% [Российское общество..., 2016: 323], и началась четкая локализация соответствующих взглядов среди работников частного сектора, свидетельствующая о формировании у них классового сознания. В итоге показатель распространенности оценки противоречия между работодателями и работниками как одного из ключевых для российского общества стал среди работников вновь созданных частных предприятий в полтора раза выше, чем среди работников госсектора (30% против 20%). Почти треть считающих это противоречие одним из трех основных противоречий российского общества — очень высокий показатель. Во всяком случае, противоречия между русскими и нерусскими, олигархами и остальным обществом, местными и приезжими, людьми разных политических взглядов и т.д.²⁴ россияне, особенно работающие в частном секторе, видят в этом качестве в разы реже.

Подведем итоги.

Кризис 2014—2016 годов был, если судить по ситуации с занятостью россиян, скорее бюджетным кризисом и кризисом потребления, чем собственно экономическим кризисом. Однако активные разговоры об этом кризисе были широко использованы работодателями для усиления давления на работников. В отдельных случаях это давление использовалось как дополнительная подстраховочная мера на случай углубления кризиса, и тогда по мере нормализации ситуации в экономической сфере начали восстанавливаться и показатели соблюдения социально-экономических прав работающих. В других случаях разговоры о кризисе были использованы как возможность усилить эксплуатацию работников, и тогда выход из кризиса не способствовал улучшению положения пострадавших в кризис работников, более того — оно продолжало ухудшаться и во второй половине 2016 г. В основном эти работники сосредоточены в частном секторе экономики, особенно — на возникших за последнюю четверть века частных предприятиях.

²⁴ Всего респондентам на выбор предлагались 18 вариантов ответов, из которых надо было выбрать не более трех. Кроме того, предлагался ответ «никаких острых противоречий нет», который выбрали 11% респондентов, в основном молодежь.

Тем не менее, несмотря на разницу в стратегиях отдельных работодателей, основным и очень важным в долгосрочной перспективе следствием экономической рецессии 2014—2016 годов стало общее смещение баланса сил во взаимоотношениях работников и работодателей в пользу последних. Это выразилось, прежде всего, в росте распространенности несоблюдения базовых трудовых прав трудящихся — в итоге в той или иной степени вне правового поля находится почти половина работающих россиян. Наиболее незащищенными в этом отношении оказываются рядовые работники торговли и сферы бытового обслуживания.

Следствием все большего распространения серых схем оплаты труда и теневой занятости стало формирование базы для развития в российском обществе процессов прекаризации. При этом если тенденция несоблюдения трудовых прав работающих, получив в кризисы 2008—2009 годов и 2014—2016 годов мощный импульс, к концу 2016 г. уже «выдохлась» и базовые показатели соблюдения прав работников начали приближаться к характерным для начала 2014 г., то процесс формирования прекариата пока еще только «запустился».

В число других важнейших последствий экономического кризиса 2014—2016 годов для работающих россиян входит также рост трудовых нагрузок работников, в большинстве случаев никак дополнительно не оплачиваемых. В наибольшей степени продолжительная рабочая неделя распространена не среди представителей тех профессиональных групп, для которых характерен ненормированный рабочий день, а среди тех работников, кто в наименьшей степени способен отстаивать свои интересы либо из-за плохого качества своего человеческого капитала, либо из-за слабости имеющихся для этого институциональных возможностей. В основном такие работники сосредоточены сейчас в частном секторе российской экономики, и чаще всего это опять-таки рядовые работники торговли и бытового обслуживания, особенно в «малой России». Однако усиление дисбалансов в росте продолжительности рабочего времени и зарплаты серьезно затронуло, хотя и по другим причинам, также московский рынок труда. Москвичи стали работать в кризис больше, чем раньше и чем работают в других регионах страны. При этом разрыв в оплате их труда в сравнении с остальными работающими россиянами за 2014—2016 годы, наоборот, сократился — по крайней мере, если судить о ситуации с оплатой труда на основе самооценок представителями массовых слоев размера своей заработной платы.

Кризисы 2008—2009 и 2014—2016 годов усилили и закрепили все характерные для современного состояния отношений работодателей и работников особенности. В этих условиях проблема взаимоотношений работников и работодателей станет, видимо, для руководства страны важным элементом «повестки дня» уже в ближайшие годы.

Список литературы (References)

Гасюкова Е. Н., Карачаровский В. В., Ястребов Г. А. Разный прекариат: об источниках и формах нестабильности социального статуса индивидов и групп // Общественные науки и современность. 2016. № 3. С. 48—63. [Gasyukova E. N., Karacharovskii V. V., Yastrebov G. A. (2016) Different precariat: about the sources and forms of instability of the social status of individuals and groups. *Obschestvennyye nauki i sovremennost'* [Social sciences and Modernity]. No 3. P. 48—63. (In Russ.)].

Посухова О. Ю., Маскаев А. И. Прекариат мегаполиса и профессиональная идентичность в контексте неявного знания // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2016. Т. 8. № 4. С. 92—105. [Posukhova O. Yu., Maskaev A. I. (2016) Precarity of megapolis and professional identity in the context of tacit knowledge. *Journal of Institutional Studies*. Vol 8. No 4. P. 92—105. (In Russ.)].

Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2016 : Стат. сб. / Росстат. М., 2016. [Labor force, employment and unemployment in Russia (based on the results of sample labor force surveys) (2016). Moscow, Rosstat. (In Russ.)].

Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М. К. Горшков [и др.] ; под ред. Горшкова М. К., Петухова В. В. ; Институт социологии РАН. М. : Издательство «Весь Мир», 2015. [Gorshkov M. K., Petuhov V. V. (ed.). (2015) Russian Society and the Challenges of the Time. Book One. In: Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)].

Российское общество и вызовы времени. Книга третья / М. К. Горшков [и др.] ; под ред. Горшкова М. К., Тихоновой Н. Е. М. : Весь Мир, 2016 г. [Gorshkov M. K., Tihonova N. E. (ed.) (2016) Russian Society and the Challenges of the Time. Book Three. In: Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)].

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М. : Ад Маргинем Пресс. 2014. [Standing G. (2014) The Precariat. The New Dangerous Class. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)].

Тихонова Н. Е. Явные и неявные последствия экономических кризисов для россиян // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 16—27. [Tikhonova N. E. (2015) Obvious and not-obvious consequences of economic crises for Russians. *Sociological Studies*. No 12. P. 16—27. (In Russ.)].

Шкаратан О. И., Карачаровский В. В., Гасюкова Е. Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994—2013) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 99—110. [Shkaratan O. I., Karacharovskiy V. V., Gasyukova E. N. (2015) Precariat: theory and empirical analysis (on the materials of surveys in Russia, 1994—2013). *Sociological Studies*. No 12. P. 99—110. (In Russ.)].